

и Третьей Сталинской Пятилетки

Автоматизированной печи

мартеновской печи). Дмитрий Васильевич Рожнов (сталевар). Олег
И. Дмитриевич Жуков (сталевар), Михаил Петрович Артамонов
Фото И. Евсеева.

ХОРОШО ПЕРЕДАЕМ СМЕНУ

В чем причина наших успехов на третьей автоматизированной печи?

Я думаю, что секрет очень прост. У нас друг другу стараются хорошо передать смену. Сталевары всегда жмут, чтобы печь была заправлена и находилась в хорошем состоянии.

Я на третьей печи уже проработал три кампании, а всего сталеваром работаю четыре года.

Надо сказать, что на автоматизированной печи намного лучше работать. Автоматика помогает сталевару во всех процессах производства. Правда, говорят, что иногда и профессора путаются в нашей аппаратуре. Значит, нам тем более надо учиться, чтобы знать ее хорошо.

К сожалению, в нашей четвертой бригаде нет технической учебы. Начальник смены Грифинов не смог до сих пор организовать учебу.

На третьей печи начинают входить в систему скоростные плавки. И, например, 25 июня сварил плавку за 9 часов 15 минут. Против графика это плохой результат, но мы можем влить каждую плавку за 8 и даже меньше часов. Нам только задерживают разные неполадки.

Вот и постараюсь вкратце поделиться опытом, как шла у меня эта плавка, как я держал газ и т. д.

В 3 часа дня сменил Артамонова. И так только выпустили плавку, начал заправлять заднюю стенку. Заправка длилась 15 минут.

Первая задержка у меня началась уже при завалке. На 4-й печи стоял желоб и полностью состав нельзя было подать. Поэтому завалка продолжалась целый час. За время завалки шихты я держал 70 кубометров коксового газа, 100—доменного и 450 кубометров воздуха. При заливке чугуна, которая длилась 55 минут, коксовый газ сбавил до 60 кубометров, воздуха—до 400. Сделал я это потому, что шихта была уже прогрета и требовалось меньше газа.

Первые два часа плавления я газ держал таким же образом, а последние 2 часа 10 минут—еще больше уменьшил: довел до 40 кубометров коксового газа и 300 кубометров воздуха. Ведь известно, что избыток воздуха иногда вредит печи—газ быстрее сгорает.

Доводка была проведена за 1 час 40 минут. Соотношение газа и воздуха оставалось неизменным. Плавка была готова за 8 часов. Но тут уже «постарались» руководители литейного пролета. Состав изложниц для разлива моей плавки марки «СС» не был подан вовремя, и поэтому пришлось задерживаться.

Говорят, что мы работаем по-стахановски. А разве другие сталевары не могут так работать? Могут и должны. И тогда мы сможем давать по второму мартеновскому цеху 5 тыс. тонн стали в сутки и в социалистическом соревновании займем первое место.

Д. ЖУКОВ, сталевар.

Техническая учеба

Многое помогает техническая учеба.

Я занимаюсь на курсах мастеров социалистического труда. За успехи в учебе меня в первом семестре премировали 200 рублями. Кроме этого учусь на курсах сталеваров-мастеров в нашей первой бригаде.

Начальник смены тов. Князьков хорошо руководит курсами и, в отличие от других бригад, все сталевары-мастера участвуют и овладевают теорией сталеварения.

Плавки быстрее 10 часов мы можем варить всегда. Вот, например, 11 июня я сварил плавку за 8 часов 10 мин. Надо сказать, что я шихту вообще-то для этого не делал. Просто работал

внимательно, аккуратно и мне очень хорошо помогали старший мастер Масленников и мой первый подручный Щербатов.

Сталевары нашей печи недавно через заводскую газету объявили экономить 2 проц. топлива, давать больше скоростных плавки и намного перевыполнить свой план.

Свое слово мы сдерживаем. В последнее время наша печь имеет экономно топливо. Скоростных плавки мы начинаем давать все больше и сталевары соревнуются за перевыполнение плана в июне от 110 до 120 проц.

Д. РОЖНОВ,
сталевар-мастер.

ДВА ПОКОЛЕНИЯ

— Сталь варить—самое трудное дело, но и самое замечательное. Обычно доменники хвалят свою профессию. Верно—и им приходится не легко. Но тут работа посложнее.

Немного прищурившие умные глаза старого мартеновца блестят молодым задором. Что греха таить—он любит похвалиться, этот 63-летний мастер своего дела. Он с гордостью говорит о профессии сталевара.

42 года работает Дмитрий Никитович Авраменко в мартеновских цехах. Сколько тонн стали он дал—трудно сосчитать. Можно из этого металла построить целый город.

У некоторых стариков иногда встречается пренебрежение к молодежи. Они, как видно, сердятся на то, что быстро ушли их молодые годы. Они завидуют цветущим парням и девушкам за счастливую юность, которой у них в старой царской России не могло быть.

У Дмитрия Никитовича легко проскальзывает зависть. Он сам бы не прочь скинуть годков тридцать, чтобы суметь обратно варить металл у этих прекрасных печей. Но у него нет пренебрежения, он любит и ценит молодежь.

— В работе у печи смеелость нужна,—продолжает беседу Авраменко,—смеелость и бодрость. Если настроение плохое—не становись к мартену. Здесь душа должна быть свободной, легкой. Надо веселым быть, как вот Михаил Чертищев.

Он указывает на молодого рабочего, который бросает лопатой мадеру в раскрытое окно печи. Мы подходим ближе. Сталевар на минуту прерывает работу и, улыбаясь, жмет нам руки.

— Вы посмотрите,—говорит Чертищев, показывая на заднюю стенку,—там сверху расщелинка обнаружилась, сейчас ее не будет.

Он снова набирает лопату магнетита, перемешанного со смолой, и черная масса летит в печь. Мадера прилипает к расщелине, закрывает ее и от высокой температуры спекается как монолит.

— Варю качественную сталь, плавка будет скоростная,—обещает сталевар, вытирая спецовкой потное лицо и направляясь в будку управления.

Высокий, широкоплечий инженер из Московской исследовательской бригады обращается к Чертищеву с советом:

— Михаил Андреевич, хорошо бы перед заливкой чугуна снизить коксовый газ.

— Не возражаю, сейчас же сделаю. Чертищев поворачивает ручку штурвала и стрелка прибора, показывающая давление в 75 кубометров, идет на снижение. Печь получает 60 кубометров коксового газа.

Сколько раз он говорил сталеварам своей бригады, что нельзя заливать чугун на недостаточно прогретую шихту. Но некоторые из-за гонора не хотят послушать доброго совета.

Со сталеваром второй печи он просто поспоришил, когда увидел, как тот спешит заливать чугун на холодную шихту.

— Я ему говорю: «Если ты сейчас же дашь чугун, то плавка будет расплавиться очень долго». Так и оказалось: 7 часов продолжалось плавление. Разве это работа?

Передовой сталевар, член партии Чертищев считает своим долгом оказывать помощь товарищам. То, что он хорошо работает, что сталевары его

печи дают стахановские показатели, это еще мало. Он хочет, чтобы все сталевары быстро варили плавки и, где только возможно, он рассказывает о своем опыте.

У Чертищева выработалась определенная система работы.

Для него стало законом сохранять от предыдущей плавки накопленную тепловую энергию.

— У нас хорошо подогреваются газовые насадки до 1230—1250 градусов. Поэтому мы можем дать меньше коксового газа.

— Во-время нагрева газовых насадок, отпустил дымовой шиббер и, как только металл вышел в ковш, у меня печь уже заправлена. Вместе с мастером осматриваю подину и затем в горячую печь начинаю валивать шихту. Так я сохраняю каждый градус тепла.

Вот и сейчас у Чертищева все идет без сучка и задоринки. Громадный ковш наклонился над желобом и широкая струя металла течет в печь.

Дмитрий Никитович не отходит от агрегата. Он любит работу молодого сталевара и время от времени тихо льется его речь:

— Помню, как Чертищев только из ФЗУ пришел, совсем еще мальчишка был, а теперь какой молодец. И главное, что он не один такой.

Авраменко загибает свои огрубевшие от труда пальцы и считает, кто из молодых ребят вырос здесь до мастеров, кто стал в ряды лучших стахановцев:

— Пенашев, Оськин и др.—Он долго считает. Перед глазами проходит целый плеяд сталеваров и мастеров, выращенных Магниткой, выросших на этом заводе, в этом мартеновском цехе.

Маленький, подвижный первый подручный Яковлев—правая рука Чертищева. Пока сталевар занимается технологией плавки, он со вторым подручным готовит массу для подмазки столбиков, убирает площадку, куда привезли ферромарганец. Все готово к доводке.

И только услышала бригада, что расплавление закончилось, как вместе со сталеваром энергично взялась заправлять переднюю стенку.

Еще раз приходит Чертищев к своим приборам и еще раз снижает газ, приговаривая:

— Другие сталевары на доводке держат 50 кубов коксового газа, а я, как видите, даю 30, а сварю плавку быстрее.

Дружная бригада бросает в печь ферромарганец, берет анализы и, наконец, наступает торжественный момент: выпуск плавки.

Ни один мартеновец никогда не упустит случая посмотреть, как идет сталь. Бесчисленное количество раз за 42 года видел Авраменко как будто одну и ту же картину. Но и он быстрее идет еще раз посмотреть на это удивительное, никогда не надоедающее зрелище.

С синими стеклышками все засмотрелось на стремившийся в ковш металл. Авраменко обернулся к столбам рядом с ним Чертищеву и спросил:

— За сколько сварил?

— За 9 часов 25 минут.

— Молодчина!

И чувствуется, что похвала эта вырвана не только за то, что Чертищев быстро сварил плавку качественной стали, но главным образом за образцовую работу стахановцев нового поколения сталеваров.

ЯКОВ ЛАЗАРЕВ.